

Глава 2

ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Прежде чем перейти к анализу взглядов русских националистов по конкретным проблемам, представляется необходимым рассмотреть идеальные первоосновы ВНС. В связи с этим целесообразно определить характер отношения идеологов ВНС к таким ключевым для национал-либеральной доктрины категориям, как «национализм», «национальность», «нация», «народ», «свобода» и «либерализм».

Не имея общепризнанных основоположников русской национальной доктрины, публицисты ВНС вынуждены были подкреплять свои суждения ссылками на труды и отдельные высказывания авторов, принадлежавших к различным идеальным и политическим направлениям: К.Аксакова, В.Белинского, Э.Берка, И.Борна, Д.Вашингтона, У.Гладстона, Х.Геффинга, А.Градовского, Т.Грановского, А.Герцена, Ф.Дальмана, Н.Данилевского, Н.Добролюбова, Ф.Достоевского, Э.Дрюиона, Г.Зибеля, К.Кавелина, В.Ключевского, С.Колриджа, Б.Констана, Ю.Крижанича, К.Крамаржа, Д.Милля, Т.Моммзена, Т.Мена, С.Платонова, Ф.Плевако, А.Пушкина, П.Пестеля, С.Соловьева, Г.Спенсера, Б.Спинозы, П.Струве, А. де Токвилья, Л.Толстого, И.Тэна, Г.Трейчке, Г.Фрейтага, Н.Чернышевского, Б.Чичерина, Ф.Шиллера и других. Обращает на себя внимание достаточно широкий идеально-политический спектр авторов, используемых идеологами ВНС (от консерваторов Достоевского и Тэна — до революционеров Пестеля и Добролюбова и «иностранца» Спинозы), а также отсутствие среди цитируемых имен представителей так называемого охранительного направления (то есть мыслителей крайне правого толка).

Среди идеологов ВНС, внесших наибольший вклад в создание партийной доктрины, следует упомянуть, во-первых, тех авторов, которые высказывались по

самому широкому спектру проблем (П.Н.Балаев, В.А.Бобринский, А.Л.Гарязин, П.И.Ковалевский, П.Н.Крупенский, Н.О.Куплеваский, В.Ф.Лашков, М.О.Меньшиков, Л.В.Половцов, А.И.Савенко, И.А.Сикорский, В.Е.Чернов, Д.Н.Чихачев, В.В.Шульгин), во-вторых, тех кто концентрировал внимание на проблеме общей характеристики русской национальной теории и практики (П.Н.Ардашев, М.Я.Балынский, В.А.Бернов, Н.И.Герасимов, А.Лодыгин, В.Онежский, В.Строганов), наконец, в-третьих, тех кто пытался специализироваться на разработке какой-то одной идеологически значимой для ВНС темы (С.М.Богданов, еп. Евлогий, А.А.Сидоров, А.В.Стороженко, В.П.Шеин, В.П. фон Эгерт, П.Н.Ягодинский).

Идеологической первоосновой своей доктрины русские националисты называли национал-либеральную традицию общественной мысли, оформившуюся в Европе в конце XVIII — начале XIX в. С точки зрения П.Н.Ардашева, национализм развился в Европе под влиянием Великой Французской революции: «*Великая революция действительно отмечает собою конец века космополитизма и начало того века национализма, в апогей которого вступила Западная Европа на глазах нашего поколения*» [217, с. 37] (П.Н.Ардашев). По мнению безымянного автора брошюры, изданной Московским отделом ВНС, возникновение теории национализма в Европе произошло «около 1814 года» «под политическим влиянием на почве воодушевления западных народов, освобождавшихся от порабощения и угнетения их Наполеоном»; в дальнейшем под непосредственным воздействием этой теории «совершились многие исторические перевороты: освободилась Греция и славянские народы, объединилась Италия и Германия, отделилась Норвегия от Швеции» [267, с. 1]. Таким образом, идея национализма в своем аутентичном значении рассматривалась идеологами ВНС не просто как концептуализированная идея этнического предпочтения, но как идея «национального пробуждения» и «освобождения».

Фигурами, олицетворявшими европейский национализм, по мнению русских националистов, являлись идеологи и строители новой германской государственности, органично сочетавшей идеи права и великороджавности: Г.Ф.К.Штейн, Ф.Лист, О.Бисмарк [267, с. 1; 315, № 5, с. 5].

Странами, где национализм, по мнению ВНС, восторжествовал в наибольшей мере, являлись Англия и Германия (реже в качестве образца приводились Франция, США и некоторые другие западные страны): «Русское общество издавна привыкло глубоко уважать Англию как блестящий образец строго национального государства, живым примером, подобно древней Греции и Риму, доказывающим миру всю могучесть и творческую силу национализма» [293, с. 94] (ККРН); «В высококультурных государствах, как, напр., в Англии и Германии, все — националисты. Правда, о национализме там говорят и пишут гораздо меньше, чем у нас, потому что незачем обсуждать или доказывать то, что всеми признается и что само собой подразумевается. Ни англичанам, ни французам, ни немцам нет нужды заводить у себя клубы английских, французских или немецких националистов, потому что все они, в сущности, и без того националисты, не исключая даже большинства из них, которые выдают себя за социалистов»; «И тот факт, что в Киеве, "матери городов русских", оказалось нужным устроить клуб русских националистов и иметь особое помещение, куда могли бы сходиться вместе и беседовать русские люди.., этот факт есть наглядное и разительное доказательство того, до какой степени русское образованное общество *отстало* в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, от европейского Запада» [217, с. 4; 296, с. 4] (П.Н.Ардашев; И.А.Сикорский).

По убеждению идеологов ВНС, именно национализм, а не какое-либо иное политическое течение, являл собой квинтэссенцию европейского общественного развития на протяжении последнего столетия: «Какая странность, когда наш век уже получил на западе имя: век национализма, — когда все культурные

государства спешат одни — крепить, другие — заново подвести фундамент национального патриотизма, когда в Европе все лучшие, действительно передовые люди приветствуют в нашем времени возрождение веры и свободно-монархической государственности, — мы как будто спешим расточить последние остатки своих национальных устоев, и — только у нас, в злосчастной России, знамя национализма встречает ядовитое шипение не только со стороны левых, на которых оно, конечно, должно действовать как крест на Мефистофеля, но и среди большинства правых». «Передовое общественное мнение постоянно предлагает России прогрессировать "в духе времени". Дух времени в Европе — национализм, и следовательно... мы стоим перед необходимостью открыть в России эру национализма» [228, с. 8, 15, 46] (Н.И.Герасимов); «*Последовательный рост национализма* представляет господствующее явление новейшего европейского развития. Девятнадцатое и двадцатое столетия можно назвать эпохой национализма в таком же смысле, как XVIII век называется веком "просвещения", как XVI в. — временем реформации, как XV век — эпохой гуманизма» [217, с. 9] (П.Н.Ардашев).

Обозначая себя «западниками» национал-либерального толка, требующими от русского общества следования европейским образцам развития, идеологи ВНС ставили себя в двусмысленное положение, поскольку возник вопрос о целесообразности в этом случае ведения разговора о «русском национализме» и «русских национальных приоритетах».

Предвосхищая вопросы и возражения такого рода, русские националисты спешили заявить о наличии у русского национализма специфики: «Но — не будем унижать себя. Ратуя за национализм, мы вступаем на свой исконный русский путь» [228, с. 8, 15, 46] (Н.И.Герасимов).

Главное отличие русского национализма от его европейского «собрата» заключалось, по мысли идеологов ВНС, в более активной, по сути определяющей роли правительства в деле развития и претворения в

жизнь национальной идеи: «Великий национальный всплеск» пошел в России «не снизу вверх (как в Европе. — Д.К.), а сверху вниз»; благодаря чему русский национализм и следовало квалифицировать не как механически подражательное «западничество», но как «явление живое, естественное» [235, с. 16, 48] (П.И.Ковалевский). Кроме того, «русскую сущность» русского национализма должна была, по мысли ВНС, обеспечивать также опора на национальные идеиные корни. Так, «своими предшественниками» русские националисты называли «лучших писателей, историков, общественных деятелей и частных лиц периода от 30-х до 70-х годов XIX в. и даже части 70-х годов, хотя с этого периода началось все большее и большее вторжение еврейского, интернационального и революционного духа в среду русских реформаторов» [244, с. 40] (А.Лодыгин). Однако заявления подобного рода не сильно меняли картину общей «западнической» направленности русского национализма, поскольку основная масса теоретических положений, высказанных русскими авторами и использованных идеологами ВНС при построении ими своей партийной доктрины, находилась в том же национал-либеральном русле, которое было проложено западно-европейской общественно-политической традицией.

Следует отметить, что многие важные положения доктрины ВНС (прежде всего по национальному и религиозному вопросам, а также отчасти по вопросу о государственно-правовом устройстве России) заметно перекликались с реакционной системой взглядов: «Правовое величие, честное и сильное имя, независимый царь, сам держащий русскую правду, мысль и верность народная одесную престола, свет родной веры, всемирной мысли и христианских чувств, — вот некоторые, далеко не исчерпывающие черты нашей национальной идеи» [228, с. 62] (Н.И.Герасимов). Выдержаные в примерно такой же «охранительной» стилистике пассажи, характеризующие русскую национальную доктрину в целом или отдельные ее стороны, были достаточно типичны для риторики идеологов ВНС.

Тем не менее идеологи ВНС стремились игнорировать наличие внутренней связи своей доктрины с реакционными учениями отечественного происхождения, настаивая на его консервативной в европейском смысле этого слова национал-либеральной сущности, русская специфика которой проявлялась лишь в сравнительно большем, по сравнению с европейскими странами, участии российской правительственный власти в деле русского национального пробуждения.

Таким образом, следует заключить, что идеиные основы русской национальной доктрины были двояко внутренне противоречивы. Помимо исходного противоречия, которое неизбежно присутствует в любой «бинарной» (в частности, национал-либеральной) доктрине, идеология ВНС сочетала внутренне противоречивое стремление к ориентации на европейские социально-политические образцы и к отказу от традиционного русского «охранительства» — при сохранении общей приверженности «русским национальным корням».

Идея «национализма» — по определению — являлась для русских националистов такой же ключевой, какой была идея неограниченной царской власти для «монархистов» (черносотенцев), идея «Манифеста 17 октября» — для октяристов. Именно национализм, согласно оценке идеологов ВНС, служил главным условием успешного развития России: «Всякое государство живое и действующее должно быть исполнено национализма»; «...вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет!» [236, с. 98] (П.И.Ковалевский). «В национальной идеи политическая наука нашла наконец основной, точный и положительный закон силы и жизни государства. И наша родина ни под каким иным, но только под знаменем национализма начнет свое возрождение, если начнет его» [228, с. 8] (Н.И.Герасимов). В национальной идеи, по убеждению русских националистов, скрывался сверхъестественный резерв политической мудрости: «...неугасимая, яркая национальная идея, освещая верным светом пути и цели в политике, дает талант-

ливым государственным людям уменье до известной степени даже *пересоздавать* фатально складывающееся будущее» [228, с. 16] (Н.И.Герасимов).

В то же время, когда речь заходила о наполнении термина «национализм» конкретным содержанием, то оказывалось, что единство взглядов по данному вопросу у идеологов ВНС отсутствует: «Под словом "национализм" далеко не все разумеют одно и то же понятие» [219, с. 151] (М.Я.Балясный); «Иногда под национализмом разумеется известное *настроение*, иногда известное *учение*, иногда известное *поведение*, наконец, известное *партийное течение*» [217, с. 7] (П.Н.Ардашев).

Попытки краткого и четкого позитивного определения этого термина неизменно оканчивались спекулятивным нагромождением слов, не имеющих прямого отношения к политике: «Национализм есть независимость от всего. Национализм есть освобождаемая энергия народная, самостоятельная и самодержавная в своем труде» [236, с. 87] (П.И.Ковалевский); национализм — «это "живая вода" — *вера в свой народ и беззаботная любовь к нему*» [303, с. 10] (В.Строганов).

Развернутые характеристики «национализма» представляли собой научообразные формулы, пытающиеся опереться на политологически беспомощные категории из области социологии, антропологии, психологии и природоведения и, в конечном счете, наполняющие термин «национализм» — вместо политически рационального — биологически чувственным содержанием. В частности, по мнению П.И.Ковалевского, массовый национализм (национализм «*в широком смысле слова*») представлял собой органическую совокупность индивидуальных национализмов, покоящихся, в свою очередь, на чувственно-биологической первооснове и выражавшихся в проявлениях «уважения, любви и преданности до самопожертвования в настоящем, почтения и преклонения перед прошлым и желания благороденства, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит»; национальное

чувство есть «проявление высшего мирового закона, закона тяготения, или закона притяжения», в силу которого «воробы льнут к воробьям.., ласточки — к ласточкам, селедки — к селедкам, овцы — к овцам и т.д., — и если какое-нибудь из этих животных попадает в чужое стадо, то его или скоро прогонят, или просто-напросто заклюют»; «Влечеие к отечеству представляет собой великий голос природы» [235, с. 8—10; 236, с. 73—75; 239, с. 9]. «Национализм — это прежде всего любовь — любовь к родному народу, к прошлому, ко всей его истории, к его особенностям»; «...национализм не продукт рассудочности и отвлеченных умозаключений: это *чувство* (курсив мой. — Д.К.)»; «...национализм русский называют зоологическим... Да, гг., мы не совершаляем греха против природы; защищая жизнь национальную, мы делаем то, что должны и обязаны делать, что мы обязаны делать» [198, стб. 859] (А.И.Савенко). Профессор психиатрии И.А.Сикорский, в свою очередь, рассматривал национализм как волевое проявление национально-духовной мощи: «Националисты во всех странах — это такие люди, которые хотят показывать душевые качества и духовную мощь своего народа» [297, с. 2].

Фактический отказ от поиска рационально-политического содержания термина «национализм» и определение его в иррациональных (эмоционально-волевых, социально-биологических) категориях, с точки зрения идеологов ВНС, являлись вполне закономерными и оправданными: «...человеческий разум, с одной стороны, и бессознательные влечения, с другой, составляют ту равнодействующую, которая управляет человеческой жизнью. Бессознательные влечения в этой равнодействующей представляют более мощную слагаемую, чем сознательное мышление, и человечество по сию пору живут более внушениями инстинктов, чем велениями разума. И действительно, пока не установлена конечная цель мироздания, до тех пор путем рассудочных приемов не может быть начертана правильная линия поведения человечества. Если же человечество выполняет какую-то от века на-

чертанную программу, то побуждают его к этому бессознательные влечения и инстинкты» [292, с. 39] (В.В.Шульгин).

Создание жизнеспособной политической аргументации требовало, однако, оперирования категориями из области не только чувственно-волевых импульсов, но и разума. В связи с этим ряд авторов предлагал рассматривать национализм как органическую совокупность «национального чувства», присущего преимущественно простым массам, и «национального сознания», являющегося, в свою очередь, атрибутом образованной части общества, однако эти попытки оканчивались фактическим возвращением к иррационально-чувственной модели истолкования понятия «национализм» [235, с. 9—10; 236, с. 95; 303, с. 16] (В.Строганов, П.И.Ковалевский). Попытка П.Н.Ардашева преодолеть идеологическую расплывчатость ключевого партийного термина путем отдельного рассмотрения его «объективной» и «субъективной» ипостасей также мало что проясняла, поскольку собственно политическое содержание «национального начала» в итоге оставалось нераскрытым [217, с. 7—8].

Явная рационально-политическая недостаточность содержания, вкладывавшегося идеологами ВНС в понятие «национализм», влекла за собой появление у некоторых из них соблазна вести речь о национализме как о теории «не столько политической, сколько культурной», не рассматривать его «с точки зрения узкой партийной программы», а видеть в нем «скорее религию», способную объединить «людей самых различных политических партий, социальных положений, даже различных народов и рас» [267, с. 2; 303, с. 11—12]. Выход из теоретического тупика был найден на пути сравнительно-противопоставительного определения сущности понятия «национализм» посредством, с одной стороны, его уподобления либерал-демократизму, прогрессизму и консерватизму, а с другой, — его противопоставления космополитизму и интернационализму, а также шовинизму и ксенофобии.

Тезис об органической нерасторжимости (по сути идентичности) «истинного национализма» с «истинным либерализмом» обосновывался при помощи следующего набора теоретических приемов.

Во-первых, доказывалась принципиальная невозможность осуществления либеральной программы в отрыве от национальной: «Еще Н.Данилевский заметил, что либеральная политика может быть только национальной, так как либерализм заключается в свободном развитии всех здоровых сторон народной жизни, между которыми национальные стремления занимают самое главное место» [265, с. 30] (Псковский отдел ВНС); «Поверьте, никогда не будет у нас свободы (политической. — Д.К.), пока нет национальной силы», поскольку «инородчина» не допустит «те свободные (т.е. представительные. — Д.К.) учреждения, которые нам необходимы» [248, с. 665—666] (М.О.Меньшиков).

Во-вторых, доказывалась невозможность существования национализма вне института гражданской и политической свободы: «Для проявления национального самосознания требуется прежде всего сознание своего личного собственного достоинства» [236, с. 46—47] (П.И.Ковалевский); «Истинный национализм мыслим только при наличии гражданской свободы» [303, с. 16, 21—22] (В.Строганов). Сходные взгляды высказывали также А.И.Савенко, М.Я.Балясный, П.Н.Ардашев [217, с. 28; 219, с. 152; 290].

В-третьих, осуществлялась апелляция к образцовому, с точки зрения ВНС, национал-либеральному опыту Западной Европы и соответствующим высказываниям западных политических авторитетов: национальное движение в Европе «все время шло рядом с либеральным движением», сопровождаясь постепенным приобщением народных масс «к национально-государственной жизни через посредство национально-представительных учреждений», причем именно «благодаря более или менее широкому участию народных масс в государственной жизни европейские правительства постепенно и сами прониклись тем национальным

духом, которого им недоставало еще в эпоху Венского конгресса... И это не простая случайность; что все либеральные движения в Западной Европе, которыми наполнено полустолетие после венского конгресса, носят более или менее яркую национальную окраску» [217, с. 43—45; 293, с. 20] (П.Н.Ардашев). «Свободы, — говорит Зибель, — обязывают к положительной работе; мы видим в ней политическую обязанность и ценим как вдохновение к патриотической энергии ради высшего блага народных прав и государственного могущества»; «В революционное время, в 1848 г..., вождь либералов проф. Дальман выступил перед народным собранием со словами: "Вы сошлиесь сюда с непобедимым намерением создать германскую свободу, — но не одной свободе, положим основание и силе будущей Германии!.. Германский либерализм сочетает идею свободы с национальной честью и патриотизмом"; даже во Франции в эпоху реставрации вождь либералов знаменитый Бенжамен Констан сказал в одной речи, одно только сильно, — только то, что национально; национализируйте же себя, господа, а особенно, не денационализируйте трон! Вот чудные слова, которые и русские националисты могли бы взять своим девизом [228, с. 58—60] (Н.И.Герасимов).

Нерасторжимость национальной идеи с идеей гражданско-правового равенства, по убеждению ряда идеологов ВНС, предопределяла, помимо либерального, также демократический характер русского национализма: «Современный национализм есть понятие и явление демократическое (народное)» [219, с. 174] (М.Я.Балаянский).

Сущность соотношения понятий «национализм» и «прогрессизм» определялась следующим образом.

Во-первых, доказывался тезис о безусловной прогрессивности всего «истинно национального». С этой целью прогресс объявлялся органической составляющей жизни наций вообще [239, с. 24] (П.И.Ковалевский); «Считая народ явлением органическим, национальная партия упорно стоит за органический прогресс, т.е. за естественное развитие всех сил и за свободу как необ-

ходимое условие этого развития» [254, с. 619] (М.О.Меньшиков). Прогрессивность всего «истинно национального», по убеждению идеологов ВНС, наглядно подтверждалась западно-европейским опытом исторического развития: «Жизнь Западной Европы показывает, что национальная идея и национализм могут быть и прогрессивными началами» [305] (Ив Трубежин (А.И.Савенко)); «Пример тому — современная Англия. Что такое национализм в действии? Да ведь национализм, национальное движение — это, гг., народно-общественная самодеятельность. Но разве народно-общественная самодеятельность может быть реакционна? Да ведь по самому существу вещей народно-общественная самодеятельность это есть движение, движение непременно и всегда вперед». «Истинный прогресс заключается не в том, чтобы пятиться назад, в эпоху космополитизма XVIII века, давно сданную в архив истории... Мы же живем в век национализма, ибо XIX и XX века в истории жизни Европы, в истории жизни всего культурного человечества, являются веками национализма, а не веками космополитизма» [294, с. 347—349] (А.И.Савенко); «...наш век есть век национализма, и националисты, как люди особенно чуткие к биению исторического пульса, имеют более, чем кто бы то ни было, право на звание прогрессистов» [217, с. 48] (П.Н.Ардашев). Прогрессивная сущность русского национализма подчеркивалась его идеологами особо, поскольку это, помимо всего прочего, позволяло наиболее простым и ясным образом указать на принципиальную разницу между ВНС и различного рода организациями крайне правого толка: «В глубине Подольской России, — отмечал 19 апреля 1909 г. в речи на Учредительном собрании Партии умеренно-правых (ПУП) ее лидер и будущий руководитель ВНС П.Н.Балашев, — зародилась идея основания бесспорно прогрессивной и бесспорно национальной (в другом варианте изложения выступления — "бесстрашной национальной". — Д.К.) партии...» [318 — 1909, 21 апр.; 336 — 1909, 20 апр.]; «Не подлежит сомнению, — подтвердил, со своей сторо-

ны, спустя шесть лет один из наиболее непримиримых внутрипартийных оппонентов П.Н.Балашева, — что при учреждении национального союза последний не предназначался на роль служителя реакции» [305] (Ив. Трубежин (А.И.Савенко)); «Наш русский национализм чужд идеи отсталости, мертвых форм, ленивого или беспечного состояния духа и, напротив, есть непрестанное движение вперед» [219, с. 153] (М.Я.Балаясный).

Во-вторых, обосновывалась безусловная национальность всего «истинно прогрессивного». Так, национальная эволюция (то есть становление и развитие отдельных народов) объявлялась ключевым моментом в процессе общечеловеческого прогрессивного становления: «Достижение прогресса душевной жизни — это главная очевидная забота природы, ясно сказывающаяся в образовании новых рас и новых народов на земле» [296, с. 18] (И.А.Сикорский). Касаясь в этой связи задач, стоящих перед партией, П.Н.Балашев отмечал, что считает «коренною задачей прогресс», то есть «стремление достигнуть наибольшего напряжения творческих сил данного народа в их чистейшем виде» [218, с. 1; 361, л.1]. Одним из подводных камней, который поджидал теоретиков ВНС на пути обоснования тезиса о «национальности» всего «истинно прогрессивного», являлось традиционное как для европейской, так и для российской общественной мысли понимание термина «прогресс» в космополитическом смысле, то есть в смысле признания целью общечеловеческого прогресса постепенную универсализацию различных обществ и культур. На этот случай у теоретиков ВНС были готовы контраргументы, правда, не вполне совпадавшие друг с другом. Так, например, М.О.Меньшиков, останавливал свое внимание лишь на духовной стороне прогресса и, не возражая в принципе против идеи космополитизации человечества как естественного следствия его прогрессивного развития, настаивал лишь на том, что пока «до этого далеко» [248, с. 180—181]. В свою очередь, В.Строганов стремился

рассмотреть как духовную, так и материальную стороны прогресса. В первом случае он, подобно М.О.Меньшикову, утверждал, что, хотя космополитизм в своей конечной цели и «есть райское блаженство», но «в своем настоящем — он вреден и не нужен». Во втором случае В.Строганов отмечал, что роль материально-технического прогресса, с точки зрения интересов роста национализма, двояка: с одной стороны, он действительно постепенно слаживает традиционную межнациональную рознь, усовершенствуя пути сообщения и облегчая контакты между людьми, но, с другой стороны, создает и «новые поводы для столкновений» [303, с. 26—27] (В.Строганов). Другие авторы, касаясь проблемы материально-технического прогресса, ограничивались простой констатацией того обстоятельства, что завоевания человека в области природы, «как бы они ни были велики», — «ни на йоту не могут примирить противоположные интересы различных народов, племен и государств» [265, с. 23] (Псковский отдел ВНС). Как нетрудно заметить, в этих рассуждениях идеологов ВНС присутствуют явные оценочные колебания (в первую очередь по вопросу о космополитизации человечества как конечной цели прогресса), связанные, как представляется, с невозможностью для них полностью отрешиться от универсалистской системы ценностей, характерной для христианского типа миросозерцания.

В-третьих, декларировалась приверженность националистов лишь «истинно прогрессивным» изменениям в общественной жизни, то есть таким, которые носили умеренно-эволюционный характер и которые не угрожали крушением национальных устоев жизни государства и общества. «В основе всякой здоровой государственной жизни, — отмечал в этой связи член ККРН В.Г.Иозефи, — лежат два начала: начало порядка и начало прогресса. Оба они одинаково необходимы для государственной и общественной жизни... К сожалению, два великих начала: порядок и прогресс не всегда находятся в строгом согласии»; «Если то,

что прогресс уничтожает, представляет из себя мертвые, отжившие формы, и на их место создаются новые, жизненные формы, — прогресс является источником благоденствия и счастья. Если же прогресс стремится уничтожить еще вполне жизненные и органически необходимые основы и на их место думает поставить преждевременные беспочвенные фантазии, то он является только источником разрушения» [294, с. 251]; «Различие между мной и г. Маклаковым (В.А.Маклаковым. — Д.К.) в этом (касающемся проблемы прогресса. — Д.К.) вопросе заключается лишь в том, что г. Маклаков, очевидно, хотел бы, чтобы Россия не шла вперед, а неслась бы вскачь, я же, следуя в этом отношении принципам покойного Столыпина, предпочел бы, чтобы Россия шла вперед «на легком тормозе»...»; «В основе деятельности национал-консерваторов всегда лежит эволюционное, а не революционное начало»; революция, «несмотря на самые благие цели, которыми иногда при этом руководствуются, всегда приносит не благо, а великий вред»; «Ничего прочного и ничего долговечного при таких условиях быть не может, и государство при таких условиях оказывается кораблем, обреченным на плавание по бурному житейскому морю без руля и без ветрил» [290; 294, с. 350—351] (А.И.Савенко).

По мнению идеологов ВНС, русский национализм следовало рассматривать как одну из разновидностей «здорового» (то есть обеспечивающего созидаельную деятельность) консерватизма [236, с. 62—63] (П.И.Ковалевский): «Что такое национализм в направлении действий? Это прежде всего — консерватизм... Национальные черты народа, национальный уклад жизни, его быт, характер учреждений и т.д. создаются в течение многих, преемственной работой сменяющих друг друга, поколений» [290] (А.И.Савенко).

Нотируя свою безусловную приверженность принципам политического консерватизма: «Мне кажется, чем культурнее государственное управление, тем оно

должно быть консервативнее» [325 — 1911, 2 апр.] (М.О.Меньшиков); «Национализм, как истинная культура, невозможен без консерватизма» [290] (А.И.Савенко), — идеологи ВНС одновременно указывали на условность упомянутых принципов, выражающуюся в их подчиненности текущим потребностям общественной жизни. «Интерес настоящей минуты превалирует над заветами предков» [360, с. 29] (В.В.Шульгин); «В прошлом для нас имеет жизненное значение только то, что перешло в настоящее»; «Из прошлого дошла до нас — хотя в весьма ослабленном виде — святая вера, законы нравственности, государственность, гражданский правопорядок. Все это национальная партия принимает как святыню *в той части, которая сообразна с вечными основами всякой живой народности* (курсив мой. — Д.К.)» [254, с. 617—619] (М.О.Меньшиков). Особо подчеркивалась недопустимость принесения в жертву консервативным принципам идеи либеральных реформ [294, с. 251] (В.Г.Иозефи).

Как во многих других случаях, в этой связи идеологи ВНС обращали свои умственные взоры к опыту стран Западной Европы, прежде всего Англии: «Английские либералы? Да какие же это либералы! Ведь это — точный сколок с нашей русской родовой аристократии» [420, л. 20об.—21] (В.А.Бобринский); «Как была бы счастлива Россия, если бы и мы могли сказать то же о своих консерваторах и либералах, что Маколей говорит об английских: «Если, откинув все чисто случайное, взглянуть на существенный характер вигов и ториев, то можно считать каждую из этих партий представительницей одного общего великого национального начала»» [228, с. 52, 73] (Н.И.Герасимов).

В данном контексте неизбежным оказывалось идейное противопоставление консерватизма ВНС — консерватизму крайне правых: «Консерватизм националистов — культурный, просвещенный»; «Поставив на первый план охранительные стремления, фракция националистов отмежевалась от реакционных течений» [290; 203, стб. 1444—1445] (А.И.Савенко); рус-

ские националисты — «консерваторы, но не реакционеры» [294, с. 93] (Н.Н.Чихачев). «Ошибочно было бы утверждать, что требование развития политических идей не относится к консервативным партиям» и что их задача — «тормозить слишком быстрое движение либерализма и укреплять традиционные основы существующего строя в союзе с предрасположенностью к консерватизму правительственною властью»: в этом случае «разумный и созидающий консерватизм» перерождается «в безумную и бесплодную реакцию, реставрационные нелепости которой» лишь ускоряют «возврат горячной фантастики революционных настроений» [322 — 1912, 8 февр.; Вл.Долбин (В.В.Шульгин. — Д.К.)].

В свете отмеченного умеренно-либерального, западнического по сути истолкования консервативных основ русского национализма следует рассматривать те высказывания его идеологов, в которых речь шла о необходимости видеть в нем «направление эволюционное, основанное на народных чертах и задатах, корни которых глубоко скрыты в седой давности веков», как «культ народного созидающего творчества на своем историческом фундаменте», как «созидающее предпочтение своего — заимствованному», как «творчество, а не подражание» [218, с. 1, 2, 5] (П.Н.Балашев), как деятельность, создающую «новые материальные и нематериальные ценности», а также видоизменяющую существующие и охраняющую «от разрушения и ущерба те из них, которые подвергаются написку враждебных начал и течений» [219, с. 152] (М.Я.Балынский). «Не потому мы дорожим своей самобытностью, — специально разъяснял Н.И.Герасимов "антизоляционистскую" суть консерватизма ВНС, свободного от присущих крайне правым партиям предрассудков, — что в ней свое, русское, но оттого что, озирая весь духовный мир человечества, раскрытым философией и наукой, и, оглянувшись на свой родной мир, видим с великим утешением: правдиво, прекрасно и наше родное, русское» [228, с. 36].

Исповедовать «западнический» вариант политического консерватизма идеологам ВНС было тем легче, что они, в отличие от славянофилов, исходили из

общности закономерностей исторического развития России и Запада: теория, «покоящаяся на мысли московских славянофилов, что каждому народу присуща одна какая-нибудь своя государственная форма быть, — вероятно, никогда не будет принята наукой» [302, с. 36] (А.В.Стороженко). По мнению М.О.Меньшикова, на протяжении своей истории Россия последовательно прошла те же три этапа развития, что и Западная Европа, первый из которых характеризовался политическим преобладанием церкви, второй — преобладанием монарха, третий — преобладанием «нации» («возвращением к народным формам правления»), так что российским этапам «православия», «самодержавия» и «народности» — оказывались конгруэнтны европейские этапы «католицизма», «абсолютизма» и «национализма» [249, с. 127—129, 136—139, 153—155].

На первый взгляд, «западническому» пониманию сущности консерватизма противоречили многочисленные утверждения лидеров ВНС, которые можно было охарактеризовать как славянофильские по духу и реакционные по содержанию. Процитирую лишь некоторые из них: «Людям, видящим высший идеал в одной западно-европейской культуре, людям, желающим жить по готовым рецептам, без всякой оценки — насколько эти рецепты применимы к нашей действительности — таким людям наша старина является большой помехой», но «тем, кто верит в органический, самобытный рост России,.. русская старина — неисчерпаемый источник для разумной созидающей работы» [303, с. 17] (В.Строганов). Необходимо возвращение «к старому порядку, какого мы не знаем, но который был когда-то» [248, с. 494] (М.О.Меньшиков); русские националисты должны стремиться к «Монархии, возрожденной на своих древних киевских и московских корнях» [228, с. 64] (Н.И.Герасимов); «Обновление строя мы понимаем как возвращение к старине», гласность и народное представительство есть «возврат к русской исконной правде и к ста-ринным устоям нашей жизни» [331 — 1912, 27 мая; 331 — 1912, 1 июля] (В.А.Бобринский); «Ныне, волею великого Государя, Россия возвратилась к старомосковскому единению Царской власти с на-

родом» [292, с. 55] (А.И.Савенко). В действительності, однако, все заявления подобного рода свидетельствовали не о единстве политических взглядов идеологов ВНС, с одной стороны, и представителей крайне правого славянофильства, с другой, а скорее различном понимании характера русского исторического процесса в допетровский период. Если, по мнению славянофилов, в этот отрезок своей истории России шла абсолютно самобытным, ни на кого не похожим «путем органического развития», то, с точки зрения цитированных идеологов ВНС, суть «органичности» допетровской эпохи как раз в том и заключалась, что именно в эти века развитие России в максимальной степени соответствовало «европейским стандартам». В этой связи характерно следующее замечание М.О.Менышикова: «Окажись наши предки умственно твердыми, они — подобно англичанам (курсив мой. — Д.К.) — старались бы всеми мерами сохранить все хорошее, что было в стариину, памятуя, что от добра добра не ищут. При таком взгляде вовсе не новшеством, а именно возвращением к стариине были бы, например, земский собор, боярская Дума» [249, с. 22]. Разумеется, суждения идеологов ВНС по вопросу о характере политических традиций допетровской России выглядели более чем спорными, однако именно благодаря этому обстоятельству ясно высвечивалось общее стремление русских националистов: ни в коем случае не придавать своему «западническому» национал-консерватизму почвенно-охранительный (реакционный) смысл.

Проблеме теоретического противопоставления национализма — космополитизму и интернационализму идеологи ВНС уделили значительное внимание, однако суть всех рассуждений на эту тему неизменно сводилась к констатации утопичности любых космополитических и интернационалистских идей, изначально находящихся «в области бесплодных, неосязаемых отвлеченностей, непригодных для практического разрешения вопроса» [248, с. 180—181; 265, с. 19—25; 303, с. 26—27].

Обозначить идеальный водораздел между «национализмом» и «шовинизмом» было для идеологов ВНС

тем необходимее, что в массе русского образованного общества (среди как разночинной, так и аристократической его частей) существовало традиционное предубеждение против любых попыток проповеди русской национальной исключительности.

Примечательно в этой связи, что на определенном этапе своего идейного становления некоторые из будущих лидеров партии русских националистов проявляли двойственное отношение к своему будущему партийному имени. Так, один из организаторов существовавшей в период первой российской революции Киевской партии правового порядка (КППП) А.И.Любинский, стремившийся сделать русский национализм одним из идейных столпов КППП, рассуждал следующим образом: «Национализм это историческое явление, сущность которого заключается в таком переразвитии национального чувства при котором огромные группы людей начинают переоценивать достоинства своей нации и считают справедливым всяческие для нее преимущества сравнительно с другими нациями, сравнительно со всем остальным человечеством... Но не такой национализм положен в основание Партии правового порядка, не об отвратительном явлении атавизма дохристианского и даже доклассического быта» идет речь [245, с. 3—4]. Впоследствии идеологами ВНС была оставлена малоперспективная в публицистическом отношении система деления национализма на «плохой» и «хороший». На смену ей пришло противопоставление национализма — «шовинизм» и «человеконенавистничество» (ксенофобии) [217, с. 7—8]. Те, кто уличал национализм в грехе коллективной гордыни, эгоизма и ксенофобии, объявились отныне «теоретически запутавшимися»: «Вл.Соловьев смешивает национализм с национальной исключительностью и ксенофобией и, думая характеризовать функции национализма, на самом деле дает нам клиническую картину его болезненных симптомов»; национализм «не только не отрицает ни альтруизма, ни человеческой солидарности, но, наоборот, воспитывает альтруизм на почве национальной соли-

дарности и подготавляет почву для общечеловеческой солидарности путем воспитания национального сознания, высокое развитие которого всегда связано с уважением к другим нациям» [217, с. 9] (П.Н.Ардашев); «Мы до мозга костей националисты, но мы не шовинисты»; «...в самом деле, нельзя же всех нас... представлять какими-то человеконенавистниками, какими-то людоедами» [266, с. 101–102, 144] (В.А.Бобринский).

Характерно, что когда речь шла о конкретной сути различий между «национализмом» и «шовинизмом», то идеологи ВНС отделялись чисто декларативными заявлениями, апеллируя к фактам из эмоционально-этической, а не рационально-политической сферы: «Для нас национализм не значит ненавидеть, притеснять другого, не давать ему жить» [219, с. 151] (М.Я.Балясный); «Да, мы боремся, но я утверждаю, мы ведем оборонительную войну, на нас наступают, — воинствующими являются другие, мы только культурно оброняемся» [294, с. 343] (А.И.Савенко); «Русский национализм стремится только защитить, оборонить и охранить интересы русской государственности, русской национальности и русской культуры от посягательств на них со стороны революционно-иностранческого нашествия» [245, с. 4] (А.И.Любинский).

Думается, причинами, обусловившими недостаточность аргументации в данном случае, явились, во-первых, объективная трудность проведения теоретического водораздела между терминами «национализм» и «шовинизм», а во-вторых, явно навязанный характер антишовинистической риторики русских националистов, вынужденных отбиваться от обвинений в «человеконенавистничестве», раздававшихся в их адрес как слева, со стороны либеральной оппозиции, так и справа, со стороны черносотенцев (известно, в частности, что именно В.М.Пуришкевич пустил в думский обиход словосочетание «зоологический национализм»).

В отличие от современного понимания «национальности» как определенного типа человеческой общности, русские националисты, как правило, вкладывали в этот термин иное содержание.

«Национальность» трактовалась как «собрание свойств и качеств, присущих той или другой нации», и отличающих ее от других наций [236, с. 65; 239, с. 1] (П.И.Ковалевский). «Национальность есть действительно живая, пластическая сила, сгустившая в себе сущность творческих сил наших прежних веков, в ней теплится сама душа всего нашего рода-племени, таится непогрешимый исторический инстинкт народа» [228, с. 19] (Н.И.Герасимов), она суть «подъема народного единодушия», в рамках которого «загораются таланты» и вне которого «они гаснут» [248, с. 738] (М.О.Меньшиков).

Соответственно, «национализировать» означало «внедрять в ту или другую группу людей свойства, присущие той или другой нации», а «национализация» понималась, во-первых, как присвоение данной нацией того или иного социально значимого объекта (например, «национализация кредита»), а во-вторых, как «сознательное и умышленное насаждение национальных свойств и качеств державной нации в нациях культурно слабых и соподчиненных» [236, с. 66, 68] (П.И.Ковалевский).

Таким образом, национальность как феномен преимущественно духовно-культурный, русские националисты делали в этой связи вывод о том, что «каждый чужой по плоти, облекшийся в полноту духа и истины русской, становится национально-русским» [228, с. 44] (Н.И.Герасимов). Под словом «русский» идеологи ВНС понимали не только лиц, имеющих русские фамилии, но также тех, у кого были нерусские фамилии, происходили от родов, давно живущих в России и разделяющих ее исторические судьбы. «Не следует забывать, [...] что когда националисты говорят о российской народности, они понимают под этим выражением не только людей славяно-русского корня, но и всех людей, которые, от какого бы они корня ни

произошли, считают национальные интересы России своими собственными и не отделяют других своих частных интересов от национальных интересов России, а тем более не становятся к ним враждебно» [244, с. 41—42] (А.Лодыгин); «Чем даровитее человек в России, тем он более русский»; «Даже еврей — если он выдается — принимает в себя целиком душу русскую, как это было, напр., с Рубинштейном и Левитаном» [248, с. 735] (М.О.Меньшиков). П.И.Ковалевский, характеризуя личность высокочтимого им Александра III, специально акцентировал внимание на том обстоятельстве, что этот «русский богатырь» был сыном Александра II — «по внешности скорее немца, чем русского, и его Августейшей супруги, при рожденной немки» [237, с. 126]. По мнению М.Балысного, «под словом "русское население" Союз разумеет не одно только великорусское племя, но и племена малорусское и белорусское, а также и другие племена, насколько они сливаются с русским населением и считают свои интересы общими со всем русским населением, а Россию — дорогой для них родиной» [219, с. 157].

В свою очередь, те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые качества, присущие, по убеждению идеологов ВНС, русской национальности, — автоматически переставали быть русскими. К числу таких национально-образующих качеств относились, по мнению некоторых лидеров ВНС, и политические убеждения: когда «я говорю, что Милюков еврей, — обращался к товарищам по партии гр. В.А.Бобринский, — я положительно не оговариваюсь. Я считаю, что не было более меткого и сильного слова члена Думы Пуришкевича, как когда он провозгласил: "Можно быть фон Анрепом и русским, можно быть Милюковым и жидом" (Смех. Аплодисменты); «Фамилия ведь ничего не значит, самое название не есть признак национальности» [200, стб. 282; 227, с. 42].

Несмотря на то, что идеологи ВНС определяли национальность как явление прежде всего духовно-

культурное, при рассмотрении генезиса этого феномена они придавали приоритетное значение природно-биологическим факторам. Последние, в свою очередь, подразделялись на несколько групп.

Антропологические факторы национального развития казались некоторым идеологам ВНС столь существенными, что позволяли сделать вывод о первенствующей роли «расового» по сравнению с прочими атрибутами национального становления.

Поскольку языковые особенности могут быть «подражательно заимствованы одним народом у другого и потому ненадежны», «современная этнография, уже не довольствующаяся одним лингвистическим материалом», нашла в антропологии «свою первую по точности и основную науку, далеко превосходящую собой науку о языке». «Биологические исследования, а также и исторические показывают, что талантливость рас и антропологические качества их состоят в теснейшей связи и взаимоотношении. Известный всему миру Вирхов, исследуя черепа и психические достоинства некоторых рас, дал о славянах очень хороший отзыв, но об одном небольшом народе Европы выразился, что у него самый плохой череп, какой только можно встретить в Европе» [296, с. 7—8; 297, с. 9—11] (И.А.Сикорский). «Войны, происходившие до сих пор, оказываются простою забавою по сравнению с грандиозною борьбою, подготовляющейся для будущих веков. Люди будут истреблять друг друга миллионами из-за одной или двух сотых разницы в черепном показателе» [239, с. 33] (П.И.Ковалевский). «Есть расовый признак, начинающий объяснять многое в политике. Германцы обоих полуширей "длинноголовы", в то время как славяне и кельты, напротив, — короткоголовы». В итоге, «в отличие от англичан и американцев, которые терпеть не могут обращаться к начальству и стараются все делать сами», — даже французы, не говоря о прочих «короткоголовых» народах, «смотрят на правительство как на божество, без которого волос не может упасть ни с чьей головы»;

«Среди человеческих племен и типов есть прирожденные культурные люди и прирожденные дикари» [248, с. 356—357, 385, 751, 782—784] (М.О.Меньшиков).

Наиболее подробный анализ проблемы влияния окружающей среды на национальный характер был предложен П.И.Ковалевским, отметившим, в частности, что «люди, живущие на вольном воздухе, обладают более твердым духом, ясным умом, смелой поступью, радушнее и благороднее, чем люди, прячущиеся в лесах», а жители неплодородных равнин, в свою очередь, «приучаются к усиленному напряжению, самодеятельности как победители природы», вырабатывая в себе «неприязнь к жителям равнин плодородных. Эти народы настойчивы, упорны в труде, тупы, малоспособны и завистливы. На этом, возможно, зиждется озлобление и высокомерие немцев по отношению к Русским и французам». П.И.Ковалевский предположил также, что, поскольку душа «есть выражение энергии, то она должна находиться в тесной зависимости от химического состава и соотношения молекул, составляющих нервные единицы и самую нервную систему... Этим, возможно, объясняется варварство, жестокости, свирепость и скотоподобность немцев, ввиду употребления ими в пищу чрезмерного количества мяса, а еще больше спиртных напитков и необузданного пьянства». Соответственно и «проявление доброты как основного качества характера нации должно быть выражением особенного химического состава и особенного молекулярного сочетания элементов нервной системы» [239, с. 22—23, 40]. Разумеется, нельзя не заметить, что все цитированные умозаключения и предположения были сделаны П.И.Ковалевским в 1915 г., когда ситуация на германском фронте складывалась для России особенно неблагоприятно. Тем не менее нет оснований полагать, что в своем стремлении к эколого-детерминистской интерпретации процесса национального становления один из ведущих идеологов ВНС (одновременно входивший в число крупнейших российских специалистов в области психиатрии) был не вполне искренен.

Рассмотрению биологических факторов национального становления наибольшее внимание уделил

М.О.Меньшиков: «Ужасаются непрерывным войнам древности... Но... пока народы воевали, они возрастили в своем здоровье, красоте, героизме характера, т.е. становились более аристократичными. Наступал долгий мир (например, рах роман), и вместе с ним развивалось богатство. С богатством являлась изнеженность, лень, постепенный упадок высоких качеств духа... При внешнем мире устанавливается внутренняя анархия... Вслед за бунтами идут внешние нашествия, и нации или совсем разваливаются, или начинается новый цикл истории: образование новой аристократии и нового народного воспитания» [249, с. 27]. «Начните кормить крестьянина, не изнуряйте работой и не оставляйте без работы, уберегите от истощающих пороков, вроде пьянства, и человеководство само собой начнет подыматься. Человек начнет крупнеть, приобретать понемногу отборный, полновесный тип... Подымется другая раса. Явятся другие черты лица, другое, сильное и гордое выражение, царственная осанка. «Я склонен думать вместе с Гесиодом, что "золотой век" не будет когда-то, а уже был, — именно во времена людей с низкими лбами и обрубленными затылками... Мы с нашими золотушными лбами и затылками создали цивилизацию, может быть, куда замысловатее афинской.., но в конце концов на что же мы съехали? ...на отравленные, грязные, жадные отношения, которые назвать звериными было бы низкой клеветой на зверей» [248, с. 228—239].

Противоречия между культурологическим и биологизаторским подходами при рассмотрении феномена национальности проявлялись не только в очевидной несогласованности истолкований сущности данного феномена и причин, его порождающих. Например, важнейшие для ВНС тезисы о возможности «улучшения расы», а также о целесообразности «национализации» более слабых наций более сильными (например, российских инородцев — русским народом) — противоречили утверждению о том, что основные национальные качества складываются еще в первобытную эпоху, сохраняясь неизменными и про-

являя себя при переходе народа на более высокий культурный уровень. Воспроизводя соответствующее положение Г.Лебона, П.И.Ковалевский, в частности, подчеркивал, что «новая среда, моральная и физическая, действует только на новые расы» [238, с. 7, 141; 239, с. 20; 297, с. 3—4; 322 — 1912, 3 февр.].

Стремясь преодолеть указанные противоречия, теоретики ВНС допускали оговорки и заявления, еще более запутывавшие суть дела. Так, например, М.О.Меньшиков, вынеся резкий исторический приговор «короткоголовым», и, в силу этого, склонным к социальной пассивности и бюрократизму кельтославянам, в тех же статьях отмечал: «К нашему глубокому несчастию, мы в свое время приняли французскую цивилизацию, а не английскую, и вот теперь несем в себе последствия чумы, называемой бюрократизмом», ведь «способность к труду есть лишь отчасти дар наследственный и в гораздо большей степени дело привычки» [248, с. 211, 787]. В свою очередь, еще один активный сторонник «антропологического» взгляда на проблему, И.А.Сикорский опубликовал статью «Антрапологическая и психологическая генеалогия Пушкина», в которой фактически заявил о возможности принадлежности одного и того же человека сразу к нескольким национальным типам: «Великая натура поэта далеко не укладывается в рамки одной национальности» [322 — 1912, 17 февр.]. Определенным диссонансом по отношению к тезису об объективно предопределенных непримиримых противоречиях между различными национальными типами являлись по сути повторяющие основные положения доктрины В.С.Соловьева рассуждения М.Иустинова о том, что каждый народ «занимает как бы особую ступень в развитии общечеловеческой жизни, привнося сюда нечто новое, как вклад в общую сокровищницу культуры» [234].

В силу исходной внутренней противоречивости подхода к рассмотрению феномена национальности, среди русских националистов не было единства и определенности взглядов по такому важнейшему вопро-

су, как соотношение национального и религиозного факторов. Так, называвший себя «неославистом» В.А.Бобринский был убежден в том, что «папист и русский — это два понятия, которые не вяжутся, даже исключают друг друга», что «без православия нет русского народа в культурном и национальном значении этого слова» [222, с. 138]. «Русский народ, — высказывал аналогичное убеждение А.И.Савенко, — создан так, что если он перестает быть православным, он перестает быть и русским» [294, с. 102]. Д.Н.Чихачев, со своей стороны, указывал сторонникам отождествления понятий «русский» и «православный» на тот факт, что «православие есть отличительная черта русского народа, но только как нации, принимаемого в целом. Совпадение понятий "русский" и "православный" является лишь общим правилом, допускающим исключения» [306, с. 149]. Ряд авторов шел еще дальше и высказывал убеждение в том, что вероисповедание вообще «не есть еще признак национальности», что русские люди не только могут быть православными, старообрядцами и лютеранами, но что даже «белорусы-католики» «должны быть признаны русскими» [233, с. 46—47] (В.В.Шульгин, П.А.Кулаковский). Наконец, выступивший на страницах «Киевлянина» некто «Викт. Седов» (судя по всему, под этим псевдонимом скрывался все тот же В.В.Шульгин) отмечал, что религия не оказывает сколько-нибудь значимого влияния на национальный характер, ибо «религиозные догмы, всегда чистые и высокие, сплошь и рядом извращаются... догмами "расовыми"..., которые, в отличие от религиозных, вечны и неизменны» [299].

Как представляется, столь противоречивое отношение русских националистов к феномену национальности объяснялось прежде всего исходным противоречием между внутренней приверженностью идеологов ВНС к распространенным в тот момент на Западе теориям, рассматривающим национальный феномен в контексте расово-биологических факторов, с одной стороны, — и явной невозможностью использования упомянутых теорий в интересах идейного

обоснования русской национальной доктрины, с другой. Не говоря уже о необходимости пусть внутренне противоречивого, но все же хотя бы частично позитивного решения проблемы славянской «короткоголовости», идеологи ВНС, сохранившие верность имперской парадигме, принуждены были также отвечать на вопрос о путях постепенной гармонизации межнациональных противоречий в России, а равным образом о том, почему огромное большинство «природных русских» являются убежденными противниками идеологии ВНС. На все эти вопросы можно было дать позитивный ответ лишь при условии интерпретации национального феномена в категориях духовной культуры, что, в свою очередь, исключало возможность беззоворочкой теоретической опоры на западных национал-антропологов.

Отношение русских националистов к таким понятиям, как «нация» и «народ» также отличалось противоречивостью, в том числе в рамках рассуждений одних и тех же авторов.

Так, М.О.Меньшиков выдвинул сразу два различных варианта толкования соотношения понятий «нация» и «народ».

1. «*Нация*» = «лучшая часть народа»: «Пора отрешиться от гибельного предрассудка, будто в нацию входит, кроме хорошего, и все скверное, что есть в народе... Нация в смысле власти есть только лучшее (т.е. граждански полноценное. — Д.К.), что есть в народе, только сильное и разумное. Все остальное ненационально: оно то, чего не должно быть».

2. «*Нация*» = «народ» = «лучшая часть населения»: «Сказать страшно, но ведь в самом деле народ как будто отсутствует в России»; «Народ есть действительно собрание граждан, но, говоря по совести, разве какой-нибудь бездельный, не способный прокормить себя молодой человек, — гражданин? Разве темный, глубоко невежественный крестьянин от сохи — гражданин?.. Или безработный пролетариат, или мелкий рабочий, который никогда не имел ни бытовой культуры, ни школы, ни политической жизни, ни досуга,

разве они в самом деле есть настоящие граждане? Или какой-нибудь отравленный ненавистью к русскому государству инородец — разве он гражданин России?»; «Настоящий, коренной народ гораздо ближе к аристократии, чем к черни... Народ не чернь; делаясь чернью, он перестает быть народом» [248, с. 4—5, 25, 281, 642, 734].

Таким образом, если в первом случае «народ» представлял собой всю совокупность населения, то во втором — лишь «лучшую» его часть, при этом «худшая» часть получала наименование «черни».

По мнению П.И.Ковалевского, слово «народ» также можно было понимать двояко.

Во-первых, так как это предлагал в свое время делать П.И.Пестель: как совокупность «всех граждан», то есть представителей всех живущих в государстве наций.

Во-вторых, так как это предлагал делать экструдовик, а в рассматриваемый период — издатель умеренно-правой газеты «Киев» Т.В.Локоть: как «простонародье», то есть лишь как этнографически самобытную часть какой-то одной нации [236, с. 68—69].

Определение соотношения между понятиями «народа» и «нации», предложенные П.И.Ковалевским, оказывались при этом столь терминологически неряшливыми и внутренне противоречивыми, что по сути исключали возможность их логически удобоваримой интерпретации: «Сущность и основу нации дает именно народ, его масса, ибо интеллигенция и просвещенная часть русского народа более чем наполовину состоит из инородцев не русской нации. Поэтому простой народ дает характерные черты, определяющие нацию»; «Нации представляют собою военные учреждения, мечом основанные и мечом живущие; они представляют собою крестьян и солдат»; «Государство — это народ» et cetera [236, с. 201, 272, 325].

В работах идеологов ВНС встречались, наряду с полисемантическими, также однозначные варианты интерпретации каждого из рассматриваемых терминов, правда, в этом случае оказывалось, что различные ав-

торы вступали в противоречие друг с другом. А.И.Любинский, в частности, предложил последовательно гражданско-либеральный вариант истолкования понятия «нация», рассматривая ее как человеческую общность, которой, независимо от степени ее этнической однородности, присущ определенный тип гражданского самосознания. «Нация это высшая форма единения больших групп людей, основанная на моральных началах, на непринужденном желании состоять в союзе без стремления к владычеству одних племен над другими, входящими в этот союз. Нации обыкновенно составляют государства... Таким образом, *народность* объединена языком и происхождением, *национальность* — языком и культурою, *нация* — культурою и сознанием своего единства» [245, с. 3—4]. Другие авторы стремились к однозначному истолкованию понятий «нации» и «народа» прежде всего в этнических категориях. «Нация» в этом случае оказывалась либо «совокупностью людей», «происходящих от одного родоначальника и соединенных между собою единством языка и нравов» [265, с. 18] (Псковский отдел ВНС), либо «большой группой людей», «объединенных между собою единством происхождения, — единством исторических судеб и борьбы за существование, — единством физических и душевных качеств, — единством культуры, — единством веры, — единством языка и территории» [235, с. 5—6; 239, с. 1, 8] (П.И.Ковалевский). «Народ», в свою очередь, рассматривался «не как отвлеченнное космополитическое или только государственное понятие», а как конкретно-национальное сообщество «с его национальным бытовым и государственным укладом», а также «исторически определившимся национальным достоянием» [219, с. 151] (М.Я.Балясный).

Как можно заметить, предложить внутренне не-противоречивую интерпретацию терминов «нация» и «народ», так же как в случае с термином «национальность», идеологам русского национализма мешал один и тот же фактор: генетическая зависимость доктрины ВНС от западно-европейских идеальных разработок,

малопригодных для того, чтобы явиться первоосновой для создания полноценной русской национальной доктрины. Однако если в случае с «национальностью» проблемы возникали в связи с попыткой приложения к русскому материалу «биологизаторского» истолкования данного феномена, то в случае с «нацией» и «народом» у теоретиков ВНС возникали теоретические трудности иного порядка. Суть их заключалась в том, что идеологи ВНС стремились вложить в упомянутые термины «европейское» (т.е. политическое, а не этническое) содержание, малоадекватное российским реалиям. С точки зрения идеологов ВНС было абсолютно невозможным отнести к числу русских граждан и включить в состав русской нации не только инородцев, ни даже большую часть русского простонародья. Таким образом, попытки приложить европейское либеральное толкование терминов «нации» и «народ» к русской действительности приводили теоретиков ВНС в тупик.

Свобода как важнейший социальный институт всеми без исключения идеологами ВНС оценивалась сугубо положительно. «Без свободы не может быть ни ясного сознания, ни разумного действия и правильной человеческой жизни» [239, с. 49] (П.И.Ковалевский). «Цыганская свобода — идеал, она недостижима. Но стремление к ней конструктивно» [487, л. 36—36б.] (В.В.Шульгин).

Отношение русских националистов к институту общественной свободы хорошо видно на примере оценок, даваемых ими тем событиям русской истории, которые являлись вехами на пути общественной эманципации. «Знаменательный момент освобождения крестьян» расценивался, в частности, как «самая лучшая пора русской истории» [266, с. 87] (С.Н.Алексеев). В свою очередь, мощный идеальный кризис, который пережила русская либеральная интеллигенция после революции 1905—1907 гг., отнюдь не свидетельствовал, по мнению идеологов ВНС, о том, что у русского общества «возникло сомнение в цене либерализма как такового» [273, с. 15] (В.Онежский).

Взгляды русских националистов на проблему утверждения в России свободы предопределялись национал-либеральной природой идеологии ВНС, характеризовавшейся стремлением к гармонизации «неотъемлемых прав личности» с «неотъемлемыми правами нации и государства».

С одной стороны, программные документы русских националистов уделяли одно из самых почетных мест подробному освещению ключевых аспектов укрепления правовых начал в российской государственной и общественной жизни: таких, как «строгая законность»; равный «для всех русских подданных», «скорый» и «независимый суд»; «неприкосновенность права собственности» и «свободы личности»; судебная ответственность представителей администрации «по жалобам частных потерпевших лиц» [182; 186–190]. Идейные вожди ВНС специально акцентировали внимание на либеральном, т.е. правовом аспекте своего понимания «свободы»: «Есть обширный круг явлений, где правительство совершенно напрасно стесняет граждан, таковы, например, свобода мысли и совести, свобода питания, вкуса, привязанностей, труда, развлечений. Но есть область политики, где отказ правительства от вмешательства есть просто отказ от власти». «Грех правительства не в угнетении свободы, а в недостаточной защите ее от безумия отдельных лиц и масс» [248, с. 508, 521, 704–705] (М.О.Меньшиков); «Мы ни в коем случае не допускаем, чтобы какое бы то ни было большинство могло подписывать нам совершение преступлений или лишало нас самых наших неотъемлемых прав», «против насилия в этом смысле мы будем бороться всеми силами, вплоть до применения оружия» [486, л. 15] (В.В.Шульгин). Сходные мысли высказывали и другие авторы [244, с. 22, 30] (А.Лодыгин), [228, с. 23–25] (Н.И.Герасимов).

С другой стороны, значительное внимание теоретики ВНС уделяли обоснованию тезиса о зависимости индивидуальной и общественной свободы от национальных интересов: «Критерием свободы должна быть польза русского народа и культурность государствен-

ной жизни» [261, с. 9] (В.Ф.Лашков). «Всякая индивидуальная свобода тесно связана с вопросами религиозными, государственными и общественными», и поэтому, «сообразно бытовым историческим особенностям русского государства», она «во всех вышеуказанных отношениях должна быть ограничена русскими национальными интересами, интересами религиозными, государственными и общественными и строго с ними согласована» [280, с. 2] (Московский отдел ВНС).

Противоречие между стремлением к соблюдению, с одной стороны, принципа правовой законности, а с другой стороны, принципа национально-государственной целесообразности сохранялось и тогда, когда речь из общетеоретической переходила в конкретно-политическую плоскость.

С одной стороны, идеологи ВНС резко отрицательно относились к феномену административного произвола, признавая за властью обязанность подчинять свою (в том числе репрессивную) деятельность интересам укрепления института правовой законности: «...не надо нам каких-нибудь особенных свобод, — нам надобна твердая обеспеченность их. Пусть каждый знает, что он может делать и чего не может... Пусть каждый знает, что то, что он приобрел сегодня, не отнимется у него завтра», кроме как по суду; «только при наличии этих элементарных условий свобода приобретает свой настоящий смысл и значение» [303, с. 110–111] (В.Строганов).

С другой стороны, русские националисты склонны были расценивать правительственный произвол как меньшее зло по сравнению с произволом общественным: «Мы учтываем все беды, которые происходят от распущенности, сопутствующей юридически не нормированной свободе, не забываем и те менее горькие (курсив мой. — Д.К.) беды, которые может наносить государству безответственное своеволие агентов правительенной власти» [228, с. 23–25] (Н.И.Герасимов). Данный подход предопределял признание допустимым использование достаточно широ-

кого перечня жестких, в том числе антилиберальных (антиправовых) методов подавления анархии [248, с. 508, 521, 704–705]. Применительно к институту свободы слова, например, русские националисты исходили из допустимости его неограниченности лишь в пределах частной жизни. Если на глаза власти, рассуждал, в частности, В.Ф.Лашков, — попадается «вольномыслящий гражданин, не навязывающий никому своих идей, то его следует оставить в покое, помня, что основное право человека — заблуждаться, не вовлекая в заблуждения других» [485, л. 50об.—51]. В то же время агитационно-пропагандистская деятельность «революционеров», «клеветников» и этических нонконформистов должна была жестко пресекаться. В программных документах ВНС неизменно присутствовал пункт о необходимости пересмотра законов и правил о печати в направлении «обуздания революционной, клеветнической и безнравственной деятельности некоторых видов печати» [182; 186; 188]. В стремлении к «национально-государственному» истолкованию феномена свободы слова идеологи ВНС порой выдвигали довольно экстравагантные проекты. Так, например, товарищ председателя Санкт-Петербургского отделения ВНС и одновременно издатель «Вестника Всероссийского национального союза» А.Л.Гарязин предложил, «оставив свободу печати в неприкосновенности, ограничить круг лиц, которым вверяется пользоваться этим драгоценным и целебным средством», позволив это делать лишь тем, кто, во-первых, «получил соответствующее образование», во-вторых, «по своей подготовке и прохождению стажа в журналистике и на поприще публициста является не случайным в этом специальном мире», в-третьих, лично выступает «на поприще государственном и общественном в России», и, наконец, в-четвертых, является «русским по происхождению»: «политическая пресса на русском языке должна быть естественной привилегией только русских» [315, № 10, с. 3—5; 489, л. 144—144об.].

В то же время следует отметить, что правовые ограничения отдельных граждан и целых социальных

групп — как порожденные необходимостью подавления «анархии», так и являющиеся следствием традиционного разделения российского общества на неравноправные сословия, — рассматривались идеологами ВНС как явления временны. Конечной целью объявлялось полное избавление России от режима «чрезвычайщины» и гражданского неравноправия и достижение ею западного уровня развития либеральных институтов. Весьма характерно в этом отношении признание, сделанное прогрессивным националистом П.Н.Ягодынским в думском выступлении от 3 июня 1916 г.: «Я согласен с тем, что [когда-нибудь] мы дойдем, Бог даст, до того, что у нас все слои населения сравняются, как это сейчас в Америке есть, дай-то Господи, чтобы это поскорее наступило» [207, стб. 4753].

Особое внимание в своих программных документах и думских выступлениях русские националисты уделяли проблеме «наискорейшего и полного уравнения в правах крестьян с остальными гражданами Империи» [182; 186; 188; 207, стб. 4881].

Расхождения между теми или иными представителями ВНС по совокупности проблем, связанных с правовой эманципацией различных категорий русского общества, касались, как правило, лишь определения темпов и сроков достижения русским обществом европейского уровня гражданско-политических прав и свобод. Разногласия особенно усилились после того, как единая ФНУП раскололась и «прогрессивные националисты» вступили в блок с более левыми думскими фракциями, согласившись с ними о необходимости немедленного расширения общественных прав и свобод. «К.д. (кадеты. — Д.К.) внесли массу законопроектов (почти безобидных или мало обидных), — пояснял в одном из писем суть своей позиции по вопросу о Прогрессивном блоке В.В.Шульгин, — и мы согласились, понимая, что им необходимо, чтобы поддержать в своей публике, уверенность, что это война "освободительная". Из дальнейшего, впрочем, следовало, что необходимость расширения общест-

венной свободы В.В.Шульгин обосновывал не только тактическими (думский альянс с кадетами), но и идеологическими соображениями: «"так как считаю, что народ, способный побеждать, достоин *расширения своих прав и освобождения от опеки*" (курсив мой. — Д.К.)...» [448, л. 1183].

Помимо собственных рассуждений на тему о содержании понятия «свобода», идеологи ВНС пользовались также такой формой его определения, как аргументированная критика различного рода «неверных» типов его толкования: революционно-социалистического, радикально-либерального и реакционного (черносотенного).

Говоря об отличии своего понимания свободы от социалистического, русские националисты практически дословно воспроизводили аргументацию либералов. Подвергая, в частности, критике предлагаемую социалистами трактовку свободы как равенства социальных благ, П.И.Ковалевский обращал внимание на то обстоятельство, что требование равенства прав на социальные блага «должно иметь свой предел и свои основания, обеспечиваемые личными достоинствами или личными заслугами данного лица», ибо «неравенство лежит в самой природе». «Один гений, другой талант, третий средний человек, а четвертый идиот... Какое же они имеют право предъявлять равные требования на пищу жизни» [239, с. 51]. При этом русские националисты фактически использовали понятие «национализм» в качестве синонима «либерализма»: «Социализм — жертва личности для общего блага; отсюда — застой, рутина, рабство. Национализм — сознательное стремление личности к государственному совершенствованию; отсюда — движение, прогресс, свобода» [219, с. 157] (П.Н.Балашев).

Стремление идеологически отмежеваться от либерального понимания «свободы» у идеологов ВНС присутствовало лишь в той мере, в какой это было необходимо для обособления от «радикально-космополитического» ее толкования. На помощь при этом широко призывались как западные, так и рос-

сийские «апостолы либерализма». «Говоря о свободе, мы, одним словом, разумеем *положительную свободу*, ту разумную свободу, которая создает и укрепляет родину, как в Англии и Германии, но не разрушает ни общества, ни нравов, ни веры, как опьяняющая свобода буйной черни французской революции». Ссылаясь на мнение «благородного Гладстона», Н.И.Герасимов отмечал, что «свободою, как и всеми Божьими дарами, можно злоупотреблять»: «Самая свободная конституция в стране варваров или в анархические времена ведет только к рабству. Нигде не было и не будет безусловной свободы, но даже и подзаконная свобода может царить только там, где преобладают облагороженные гражданские нравы, мужественные национальные характеры, ясные и серьезные политические понятия. "Не конституция, — говорил Берк, — дала нам нашу свободу, но наша свобода создала нам конституцию" ...»; «Мы не забываем слов Мэна: "удача и успех американской конституции зависят от того, что американцы сумели взять в руки народное возбуждение" ...»; [228, с. 23—25, 63]. «Старые», «истинные», «благородные», «светлые» русские либералы (такие, как В.Г.Белинский, Т.Н.Грановский, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, кн. Черкасский и др.), объявлявшиеся «предвестниками» русского национализма, — были, по убеждению идеологов ВНС, полностью противоположны «ложным» современным русским либералам, являвшимся в действительности не поборниками свободы, а революционерами-сепаратистами, которые «в своей оппозиции уставившейся бюрократической системе... сочувствовали всему и одобряли все, что под видом общих абсолютных принципов проповедовалось в своих собственных интересах более опытными поляками, финляндцами и социалистами» [228, с. 39—42, 65; 242, с. 25—26; 266, с. 79] (Н.И.Герасимов, П.И.Ковалевский, В.А.Бобринский). «Будем, — отмечал в этой связи Н.И.Герасимов, — проповедовать самую великую из всех русских свобод, — свободу нашей мысли от ига лживого, одностороннего, поистине "отсталого" просвещения, свободу рус-

ской совести, запуганную муштровкой тех же лживых глашатаев мнимовселенской правды» [228, с. 23–25, 63]. Таким образом, подвергая критике те или иные аспекты либерального понимания «свободы», русские националисты стремились при этом оставаться в общелиберальной системе координат, настаивая лишь на недопустимости радикально-космополитических вариаций данного феномена, являвшихся, по мнению идеологов ВНС, противоположными интересам «истинной» свободы и «истинного» либерализма.

Необходимость аргументированного обоснования отличия своего понятия общественной и индивидуальной свободы — от черносотенного у ВНС в принципе отсутствовала, поскольку традиционалистские лидеры, как правило, если и пользовались упомянутыми терминами, то, в отличие от русских националистов, исключительно в негативном смысле. Лишь в некоторых случаях, когда крайне правые пытались уличить русских националистов в идейно-тактической непоследовательности (манкировании своими либеральными принципами), последние оказывались вынужденными расставлять точки над «и». Представителями крайне правых, — возмущался, в частности, в одном из думских выступлений А.И.Савенко, — «было сказано, будто бы мы являемся... противниками свободы собраний; ничего подобного, — мы именно стоим за свободу собраний, но только для всех, а не исключительно для правых» [206, стб. 2582].

Таким образом, следует отметить, что, противопоставляя свое понимание термина «свобода» — пониманию, присущему политическим оппонентам ВНС, русские националисты воспроизводили систему рассуждений, которую можно характеризовать как умеренно-либеральную, или национал-либеральную.

* * *

Анализ взглядов русских националистов по вопросам общего характера, позволяет отметить, что, *во-первых*, на протяжении всего рассматриваемого периода они не претерпели существенных изменений, а

во-вторых — их отличало внутренне противоречивое стремление использовать западный теоретический фундамент для построения русской национал-либеральной системы взглядов, что, в свою очередь, накладываясь на исходную внутреннюю противоречивость любой национал-либеральной идеологии, создавало цепь доходящих до гротеска логических несоответствий.

Следует также подчеркнуть, что в своем стремлении к преодолению логических тупиков, возникающих на пути общетеоретических рассуждений, идеологи ВНС, как правило, стремились декларировать свою приверженность «либерально-западническому» образу мысли, оставляя в стороне вопрос о несоответствии европейских политических догм русским реалиям.